

«ОСЬ» БЕРЛИН — РИМ И НАЧАЛО ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А. С. Гроссман

Германо-итальянские дипломатические отношения в начале второй мировой войны характеризовались острыми противоречиями, которые существовали между Германией и Италией несмотря на военный пакт, заключенный обеими фашистскими державами в мае 1939 года. Но уже тогда были налицо факторы, несколько позднее (летом 1940 г.) определившие решение итальянских правящих кругов вступить в мировую войну на стороне Германии — в частности, подчиненное положение Италии внутри фашистского блока, ее экономическая зависимость от более сильного германского партнера. Свою роль в расстановке политических сил осенью 1939 г. сыграли напряженное международное положение и быстрая смена ситуаций; успешная политика СССР, отведшего тогда от своих границ мировую войну; сложные отношения между европейскими державами «оси» и западными странами; провокационно-нейтралистская позиция США. Изучая данные немецких, итальянских, английских и американских документов, а также прессы Германии, Италии и других стран, можно прийти к выводу, что после того, как Германия развязала вторую мировую войну, германо-итальянские отношения ухудшились. Это произошло в первую очередь потому, что Италия не тотчас присоединилась к Германии, напавшей 1 сентября 1939 г. на Польшу. Осенью 1939 г. Муссолини еще не был уверен в военной победе Гитлера, а самая война вспыхнула значительно раньше предполагавшегося итальянскими правителями срока (итальянские правящие круги планировали ее начало с участием Италии не ранее 1942 года). Именно поэтому Муссолини предпочел объявить Италию «невоюющей стороной». Такая позиция вызвала недовольство правящих кругов Германии, считавших, что совместное начало военных действий обеими державами «оси» заставило бы Англию и Францию воздержаться от объявления войны Германии. Два слова — о специальной литературе. Ее рассмотрение свидетельствует о том, что хотя тема статьи нашла освещение в ряде исследовательских работ, все же далеко не все ее аспекты изучены с достаточной полнотой. Имеются существенные лакуны в подборке и заметные различия в оценке авторами конкретного фактического материала. В советской литературе данная тема вплоть до недавнего времени исследовалась сравнительно мало. Поэтому мы попытаемся в свете опубликованных на сегодняшний день материалов и вводимых в научный оборот источников более подробно рассмотреть проблему¹. Целесообразно, по-видимому, очертить сначала общий ход событий, отношения между крупнейшими западноевропейскими державами осенью 1939 г. и попытку итальянских правителей организовать «новый Мюнхен». Затем на этом фоне можно будет осветить непосредст-

¹ Об историографии темы см.: «Вопросы истории», 1967, № 5, стр. 51—69.

венно германо-итальянские отношения начального периода второй мировой войны.

Большое значение упомянутые проблемы германо-итальянских отношений осени 1939 г. приобретают сегодня, в условиях обострения борьбы между системой социализма и системой капитализма. Попытки современной буржуазной историографии в искаженном виде представить историю германо-итальянских отношений начального периода второй мировой войны несостоятельны; они являются частью идеологического наступления реакции на марксистско-ленинскую концепцию происхождения этой войны. Ниже мы попытаемся показать, что германо-итальянскому союзу сопутствовали серьезные противоречия. Это, конечно, не мешало руководящим кликам фашистских стран находить общий язык всякий раз, когда речь заходила об обеспечении их империалистических интересов и о борьбе с силами демократии и прогресса. Реакционные круги западных стран хотели развязать войну таким образом, чтобы ее вел весь капиталистический мир против изолированной Советской страны. Но получилось так, что война началась внутри самого капиталистического лагеря. Его лидеры хотели втянуть СССР в войну с Германией и Японией, оставаясь в стороне и накапливая силы в ожидании момента, когда можно будет продиктовать свои требования. На деле же им пришлось начать войну самим². Таково было политическое значение напряженнейших дней августа — сентября 1939 года.

Ранним утром 1 сентября германская армия с трех сторон вторглась на территорию Польши: с севера — из Восточной Пруссии, с запада — из Восточной Германии и с юга — из Словакии. Немецко-фашистская авиация начала бомбить коммуникации, аэродромы и города Польши. Германский военно-морской флот приступил к обстрелу полуострова Вестерплатте и польского порта на Балтике Гдыни. Так началось нападение гитлеровской Германии на Польшу, готовившееся в течение длительного времени и ставшее возможным вследствие предательской политики правящих кругов Англии, Франции и США по отношению к польскому народу. В то же утро, в 10 часов, Гитлер произнес в рейхстаге речь. Он заверил западные державы в стремлении Германии добиваться соглашения с ними. У Германии нет никаких претензий к западным державам, заявил Гитлер, намекая, таким образом, на готовность фашистской клики договориться с Англией и Францией при условии, если они пожертвуют Польшей. Правящие круги фашистской Германии явно хотели избежать войны на два фронта. «Я торжественно заверяю, — подчеркнул Гитлер, — что мы ничего не требуем и никогда не потребуем от западных держав. Я заверяю, что граница между Францией и Германией — окончательна. Я снова предлагаю Англии дружбу, и, если необходимо, тесное сотрудничество... У Германии нет никаких интересов на западе». В отношении своего итальянского союзника Гитлер заявил, что Германия рассчитывает на Италию, но тем не менее она не нуждается ни в чьей помощи в предстоящей борьбе³.

Германо-польская война закончилась быстрым и полным поражением Польши (героическая оборона Варшавы прекратилась 28 сентября). Наряду с другими одной из причин, определивших этот первый успех гитлеровской Германии в начале второй мировой войны, была политика западных держав. Польша, как только Германия напала на нее, обратилась к Англии и Франции с просьбой о помощи. Прави-

² См. «50 лет Вооруженных Сил СССР». М. 1968, стр. 228.

³ «Dokumente der Deutschen Politik und Geschichte von 1848 bis zur Gegenwart» (далее — «Dokumente»). Bd. V. Berlin—München. 1952, dok. 36; «Völkischer Beobachter», 2. IX. 1939; см. также В. Л. Израэлян, Л. Н. Кутаков. Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М. 1967, стр. 19—20.

тельства этих двух стран, связанные обязательствами, данными Польше в англо-французских гарантиях ее независимости от 31 марта 1939 г., во франко-польской военной конвенции от 19 мая 1939 г. и в англо-польском договоре о взаимопомощи от 25 августа 1939 г.⁴, послали в Берлин ноты, в которых предлагали прекратить военные действия. Хотя правительство Англии заявило, что в противном случае оно выполнит свои обязательства в отношении Польши, английский посол, вручая ноту, обратил внимание министра иностранных дел Германии на то, что она носит «предупредительный» характер и не является ультиматумом. Аналогичную позицию заняло и французское правительство⁵. Гитлеровцы, называя Польшу агрессором, заявили, что Германия не намерена прекращать военных действий⁶. Гитлер не без основания полагал, что если даже Англия и Франция объявят Германии войну, они не предпримут против нее военных действий⁷. Что касается Италии, то на первом этапе войны ее правящие круги проводили политику «невмешательства». Это, конечно, накладывало определенный отпечаток на характер взаимоотношений европейских держав «оси». Муссолини, в частности, предпринимал попытки организовать «новый Мюнхен» — конференцию Англии, Франции, Германии и Италии⁸. «Миролюбие» фашистской Италии объяснялось как антисоветизмом фашистов, тоже думавших о «западной» агрессии на восток, так и тем, что ее правители хотели избежать в тот момент участия в войне, к которой Италия еще не была готова. Поэтому полюбовная германо-английская сделка за счет Польши (Данциг, «польский коридор») вполне устраивала Италию, и она делала максимум возможного для ее достижения. Зарубежная буржуазная историография, прежде всего реакционная часть западногерманской и итальянской историографии, предпринимает ныне большие усилия для обеления итальянского диктатора, изображая его действия в начале сентября 1939 г. как пример подлинного «миролюбия» дуче. Вместе с тем делается попытка реабилитировать и внешнюю политику фашистской Германии. Однако документы, и прежде всего письма, которыми обменялись в те дни Гитлер и Муссолини, не оставляют никаких сомнений в несостоятельности этой версии. В ответ на весьма пространное послание Гитлера от 1 сентября, в котором он выражал сомнения в успехе «мирной» конференции с целью прекращения германо-польской войны, Муссолини сообщал, что он приветствует решение Гитлера расправиться с Польшей исключительно с помощью германских вооруженных сил и не сомневается, что «Германия быстро разделается с Польшей». Вопрос лишь в том, указывал итальянский диктатор, что предпримут Англия и Франция. Но даже

⁴ В соответствии с англо-польским договором о взаимопомощи от 25 августа 1939 г. стороны обязались оказывать друг другу взаимную помощь в случае, если одна из них будет вовлечена в войну с третьей европейской державой в результате агрессии (секретный протокол уточнял, что под «европейской державой» имелась в виду Германия). Существенным обстоятельством, повлиявшим на решение английского правительства подписать договор, было известие о том, что Италия не вступит в войну одновременно с Германией. См. «Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten». Bd. II. München. 1956, S. 277; «The Eve of War 1939». L. 1958, pp. 153—154, 164—166; W. S h i - g e r. The Rise and Fall of the Third Reich. N. Y. 1962, p. 733.

⁵ 1 сентября генерал-полковник Гальдер, начальник генштаба сухопутных войск Германии, записал в дневнике: «Французское правительство заседает, созыв парламента последует лишь завтра. Граница не закрыта, эвакуация не наблюдается, никаких военных мероприятий не производится. Донесение по радио: никакой реакции. В Лондоне созыв обеих палат парламента ожидается вечером в 23.30». «Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik 1918—1945. Serie «D» (1937—1945)» («далее — ADAP»). Bd. VII. Baden-Baden. 1954, S. 480.

⁶ ADAP. Bd. VII, dok. 512, S. 409 (телеграмма статс-секретаря германского министерства иностранных дел Вейцзекера от 1.IX.1939 г. германским миссиям и консульствам за границей).

⁷ «The Initial Triumph of the Axis». L. 1958, p. 98.

⁸ «Weltgeschichte der Gegenwart in Dokumenten». Bd. III. München. 1956, S. 47.

если Англия и Франция выступят на стороне Польши, то он, Муссолини, «встретит развитие событий абсолютно спокойно, так как он не может себе представить возможность непосредственной помощи Польше». Сам он, подчеркивал Муссолини, энергично проводит военные подготовительные мероприятия «оборонительного характера» и уверен, что уже сегодня может послать на фронт более 300 тыс. человек. И в остальном он будет всеми средствами поддерживать Германию, включая посылку в рейх около 1,5 млн. итальянских рабочих⁹.

И в последние дни августа и даже после нападения фашистской Германии на Польшу правительства Англии и Франции все еще не теряли надежду на сговор с Гитлером путем уступок ему за счет третьих стран. В частности, с 22 августа до 3 сентября не было дня, чтобы в министерство иностранных дел Италии не поступали соответствующие послания английского посольства¹⁰. Выступая 1 сентября 1939 г. в парламенте, Чемберлен заявил: «Я должен засвидетельствовать свое удовлетворение, а также удовлетворение правительства его величества по поводу того, что в течение всех последних дней кризиса синьор Муссолини делал все возможное для разрешения вопроса». Это был достаточно прозрачный намек английского правительства итальянскому диктатору, поощрявший последнего к продолжению его «мирных» усилий. Как сообщал в государственный департамент 2 сентября посол США в Риме Филлипс, по его мнению, «итальянское правительство постарается не принимать участия в войне до тех пор, пока это будет возможно, даже в случае войны Англии и Франции против Германии». Муссолини, продолжал Филлипс, по-видимому, возлагает в этом отношении большие надежды на западные державы, которые «помогут ему найти выход из создавшейся ситуации». 3 сентября Филлипс информировал Вашингтон, что, как передал ему французский посол в Риме Франсуа-Понсе, Чиано попросил последнего сделать все необходимое, чтобы не допустить нападок французской прессы на Италию и таких высказываний, которые могут вызвать раздражение у итальянского правительства¹¹. Следует, однако, подчеркнуть одно обстоятельство: совпадение англо-французской и итальянской позиций в вопросе о «новом Мюнхене» было чисто внешним: каждая из сторон преследовала при этом свои собственные цели и вкладывала различный смысл в понятие о «мирном» урегулировании. Италия опасалась быть втянутой в войну до окончания ее военных приготовлений, Англия же и Франция все еще мечтали о столкновении Германии с Советским Союзом.

1 сентября Чиано пригласил к себе английского посла в Риме Перси Лорена и Франсуа-Понсе и передал им мнение Муссолини — созвать 5 сентября международную конференцию для урегулирования конфликта. Правительства Англии и Франции весьма положительно отнеслись к этому предложению. 2 сентября Чемберлен заявил в палате общин, что Англия не будет возражать против участия в предложенной Италией конференции при условии «отвода германских войск с польской территории». Польское правительство также согласилось на созыв конференции при условии прекращения Германией военных действий и отвода войск обеих сторон на исходные позиции. Англия и Франция, в свою очередь, проявляли исключительную активность. Как доносил в министерство иностранных дел Германии германский посол в Италии Маккензен, он беседовал 1 сентября с Чиано, и тот ему сообщил, что его посетили английский и французский послы, которые вновь подняли вопрос о посредничестве Муссолини в сложив-

⁹ ADAP. Bd. VII, dok. 507, S. 407.

¹⁰ Ibid., dok. 349, S. 293—295.

¹¹ «Parliamentary Debates, House of Commons». Vol. 351, col. 132; см. также «Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers 1939» (далее — FR, 1939). Vol. I. Washington. 1956, pp. 403, 406—407, 409, 411, 416, 417.

шейся ситуации. Особенно настаивал на проведении конференции с целью положить конец германо-польскому конфликту Франсуа-Понсе. «Я ограничился тем,— доносил Маккензен,— что сказал ему (Чиано), что у нас слово «конференция» уже имеет в высшей степени одиозное значение. На это Чиано заметил, что мы ни в коей мере не можем жаловаться на результаты той единственной конференции, в которой мы приняли участие, а именно — мюнхенской». Маккензен с явным неудовольствием реагировал на последние слова Чиано, а также на его предположение, что он, Чиано, ожидает быстрого и решительного вмешательства западных держав, активного участия США в войне в самом ближайшем будущем и враждебной державам «оси» позиции стран большей части Южной Америки¹².

1 и 2 сентября между Римом, Берлином, Парижем и Лондоном велись оживленные телефонные переговоры, происходил обмен посланиями. Так, в 10 ч. утра 2 сентября Муссолини отправил Гитлеру и Риббентропу очередное послание. Муссолини писал, что Италия, оставляя, конечно, за Гитлером принятие любого решения, все еще имеет возможность созвать конференцию с участием Франции, Англии и Польши на следующей основе: 1) установление перемирия, по которому войска останутся на занятых ими позициях; 2) созыв в течение двух-трех дней конференции; 3) разрешение германо-польского конфликта, которое, учитывая обстановку, будет, безусловно, благоприятно для Германии. Эта идея, подчеркивалось в послании, особенно поддерживается Францией. «Данциг — уже немецкий, и Германия уже имеет в своих руках залог, который гарантирует ей удовлетворение большей части ее требований. Кроме того, Германия уже получила «моральное удовлетворение». Если Германия примет план созыва конференции, то она достигнет всех своих целей и одновременно предотвратит войну, которая уже сегодня принимает характер войны мировой и чрезвычайно продолжительной»¹³.

3 сентября Муссолини получил пространный ответ. Говоря о последней попытке посредничества Муссолини, Гитлер сообщил, что он готов принять это предложение, но лишь при условии, что Германии будут предоставлены гарантии успешного исхода конференции. В течение последних двух дней, подчеркнул Гитлер, германские войска чрезвычайно быстро продвинулись в Польше. «Нельзя добытое кровью объявлять полученным в результате дипломатических интриг. Однако я считаю,— продолжал Гитлер,— что можно было бы найти выход, если бы Англия с самого начала не была полна решимости при всех условиях начать войну. Дуче, я не уступаю англичанам, потому что я не верю, что мир будет сохранен более полугода или года. При этих обстоятельствах я полагаю, что, несмотря на все, нынешний момент — наиболее подходящий для начала войны». Далее Гитлер, развивая последний тезис, писал, «забыв» о том, что он уже не раз «разъяснял» Муссолини причины войны «особой агрессивностью Польши»: «В настоящее время превосходство германских вооруженных сил в Польше во всех отношениях настолько велико, что польская армия будет разбита за короткий срок. Я сомневаюсь, что этот быстрый успех мог бы быть достигнут через год или два. Англия и Франция за это время так вооружили бы своего союзника, что ни о каком подавляющем техническом превосходстве вермахта нельзя было бы и говорить»¹⁴.

¹² ADAP. Bd. VII, dok. 508, S. 408; dok. 507. S. 407; см. также «Documents on British Foreign Policy 1919—1939. Ser. 3». (далее — DBFP). Vol. VII. L. 1954, doc. 584, 595, 621.

¹³ «I Documenti Diplomatici Italiani, Ser. 8 (1935—1939)» (далее — DDI). Vol. XIII. Roma. 1953, doc. 571, p. 352; ADAP. Bd. VII, dok. 535, S. 424—425; «Dokumente». Bd. V, dok. 43, S. 125—126.

¹⁴ См. DDI. Ser. 9 (1939—1943). Vol. I. Roma. 1954, doc. 22.

На Западе, писал Гитлер, Германия занимает оборонительные позиции, и Франция может здесь первая пролить кровь. Но затем наступит момент, когда немцы и там, используя все силы страны, разобьют врага. В заключение в послании было сказано: «Я понимаю, дуче, что я вступил в борьбу не на жизнь, а на смерть... но... нельзя вечно избегать такой борьбы и нужно после холодного расчета выбрать наиболее благоприятный момент для начала войны, с тем чтобы обеспечить успех. Я твердо верю в этот успех, дуче. Недавно вы дружески мне подтвердили, что вы намерены помочь нам во многих областях. Я заранее... благодарю вас за это. Я также считаю, что даже если мы идем сейчас различными путями, судьба нас в конце концов соединит. Если западные демократии разобьют национал-социалистскую Германию, то фашистская Италия также окажется перед лицом большой опасности¹⁵. Я всегда придерживался мнения, что у наших обоих режимов общая судьба, и я знаю, дуче, что вы думаете так же»¹⁶. Фраза Гитлера о различных путях, которыми идут Германия и Италия, была намеком на «непоследовательность» итальянской политики, проще говоря, на отказ Италии тогда же вступить в войну на стороне Германии. Кроме того, Гитлер как и при всяком удобном случае, не упустил здесь возможности припугнуть Муссолини перспективой краха обеих держав «оси» в случае победы западных держав, хотя сам он, разумеется, был уверен в победе Германии.

Вопрос о том, как согласуется итальянская политика с ее обязательствами по «Стаальному пакту» — германо-итальянскому военному договору от 22 мая 1939 г., — привлек в начале сентября 1939 г. внимание многих дипломатов, политиков и журналистов. Американский журналист У. Ширер, находившийся в то время в Берлине, записал в дневнике 1 сентября 1939 г.: «В своей сегодняшней речи в рейхстаге Гитлер сказал... что Италия не вступит в войну, так как «в этой борьбе мы не хотим обращаться к другим за помощью. Мы справимся с этим делом сами». Но ведь § 3 военного договора стран «оси» гласит о немедленном и автоматическом выступлении Италии на стороне Германии «всеми своими военными силами — сухопутными, морскими и воздушными». Как насчет этого?»¹⁷. По-видимому, вопрос о германо-итальянском единстве, о соблюдении хотя бы внешних признаков «полного единодушия» этих двух стран в условиях, когда война между Германией и Польшей грозила перерасти в мировой конфликт, стоял не на последнем месте в пропагандистской и внешнеполитической деятельности и гитлеровцев и итальянских фашистов. 2 сентября из Берлина в адрес руководителей германских дипломатических миссий за границей была отправлена следующая телеграмма за подписью Риббентропа: «Германо-итальянская политика покоится на полном и недвусмысленном согласии между фюрером и дуче. Просьба: если вы будете высказываться по этому поводу, то лишь в духе данного указания. Любая критика итальянской позиции не должна допускаться; в противном случае за нее последует суровое наказание»¹⁸. Германская и итальянская печать была заполнена многочисленными статьями и сообщениями, целью которых являлось доказательство неизбежности «Стаального пакта», верности обеих держав «оси» своим обязательствам.

¹⁵ См. об этом: ADAP. Bd. VII, S. 462.

¹⁶ ADAP. Bd. VII, dok. 565, S. 448—449; DDI. Ser. 8. Vol. XIII, doc. 639; «Ciano Diaries, 1939—1943». N. Y. 1946, p. 138.

¹⁷ W. Shirer. Berlin Diary. N. Y. 1943, pp. 159—160.

¹⁸ ADAP. Bd. VII, dok. 559, S. 440. 3 сентября Вейцекер отправил всем миссиям телеграмму, в которой указывал, по вопросу о позиции Италии в начавшейся войне необходимо руководствоваться выступлением Гитлера в рейхстаге от 1 сентября 1939 года. Как отмечалось выше, Гитлер благодарил в этой речи Италию за поддержку германской политики и вместе с тем разъяснял, что Германия не хочет «в этой борьбе апеллировать к чужой помощи» (ibid.; см. также DDI. Ser. 9. Vol. I, doc. 2).

Особенно усердствовала итальянская пресса. 2 сентября 1939 г. в газете «Regime Fascista» было напечатано, что итальянцы ни в коей мере не считают виновниками войны национал-социалистов и что Италия не боится борьбы и не отказывается от нее. Еще более определенно высказался итальянский официоз «Popolo d'Italia» 4 и 7 сентября. «Итальянский народ,— писала газета,— встречает события во всеоружии; он ждет лишь приказа дуче; его симпатии целиком на стороне германского союзника».

Попытки Муссолини организовать «новый Мюнхен» полностью провалились. Германское наступление в Польше быстро развивалось, и итальянское правительство не хотело раздражать немцев. Поэтому Чиано 3 сентября сообщил английскому и французскому послам, что он не считает возможным передать германскому правительству предложение об отводе войск, несмотря даже на то, что французское правительство соглашалось лишь на «символический» отвод немецких войск. Более того, подчеркнул Чиано, ход событий уже опередил итальянское предложение о созыве мирной конференции, и поэтому данное предложение следует считать отпавшим¹⁹. Гитлеровцы не думали ни о конференции, ни о посредничестве. Они стремились к быстрому разгрому Польши с тем, чтобы поставить мир перед свершившимся фактом. В этих условиях правительствам Англии и Франции, несмотря на все их попытки добиться соглашения с Гитлером, не оставалось ничего иного, как объявить Германии войну, хотя они по-прежнему не теряли надежды направить гитлеровскую Германию в первую очередь на СССР. 3 сентября в 11 часов утра правительство Англии, а в 5 часов вечера — правительство Франции объявили Германии войну. Узнав об этом, Гитлер заявил своим приближенным: «Хотя они и объявили нам войну... это не значит, что они будут воевать в действительности»²⁰. Итальянские правящие круги, напротив, были всерьез обеспокоены объявлением Англией и Францией войны Германии. «Я не знаю, как будет идти война,— записал 3 сентября Чиано,— но я знаю ясно...: она будет долгой... и жестокой... Война окончится либо гибелью Гитлера, либо уничтожением Британии». Если же Италия присоединится к Германии, отметил он на следующий день, то «это будет означать гибель страны, гибель фашизма и самого дуче»²¹.

Бездействие Англии и Франции, как уже отмечалось выше, дало возможность германским вооруженным силам быстро разгромить Польшу. Причинами поражения Польши были не только ее военная и государственная слабость, но и антинародная политика ее правителей, в основе которой лежали антисоветские устремления и ориентация исключительно на англо-французскую помощь в случае германской агрессии. Между тем на западе, где Германия находилась в состоянии войны с Англией и Францией, установилось полное затишье. Это была «странная война»²², подтвердившая, что мюнхенская политика англо-французских правителей не исчерпана и что они по-прежнему надеются на столкновение Германии с Советским Союзом. Правящие круги Англии и Франции все еще считали войну с Гитлером «ошибкой», которую нужно исправить. Другая часть этих кругов полагала, что объявление ими войны Германии станет средством своеобразного давления на нее, чтобы подтолкнуть Гитлера к войне с СССР. В значительной мере на позицию Англии и Франции повлияла также политика Соединенных Штатов Америки, объявивших 5 сентября о своем нейтралитете в гер-

¹⁹ «Ciano Diaries, 1939—1943», pp. 135—137

²⁰ E. Kordt. Wahn und Wirklichkeit. Stuttgart. 1947, S. 213—214; см. также DDI. Ser. 9. Vol. I, doc. 12, 79.

²¹ «Ciano Diaries, 1939—1943», pp. 137, 138.

²² Французы называли ее «Drôle de guerre» («странная война»), немцы — «Sitzkrieg» («сидячая война»).

мано-польской войне²³. От первого до последнего дня сентябрьской кампании, подчеркивает польский исследователь З. Залуский, Польша боролась и зывала о помощи. Она выполняла свой долг и призывала ее союзников выполнить свой: но не дождалась этого²⁴. У. Черчилль писал позднее по поводу «странной войны»: «Французские армии не начали наступления на Германию. Завершив свою мобилизацию, они оставались в бездействии по всему фронту. Немецкая авиация не предпринимала никаких воздушных операций против Англии и Франции, помимо разведки. Французское правительство просило нас воздерживаться от воздушных нападений на Германию, заявив, что это вызвало бы ответные меры по отношению к незащищенным французским военным предприятиям. Мы ограничивались тем, что разбрасывали листовки, зывающие к нравственности немцев. Этот странный этап войны на земле и в воздухе поражал всех. Франция и Англия бездействовали в течение тех нескольких недель, когда немецкая военная машина всей своей мощью уничтожала и покоряла Польшу. У Гитлера не было оснований сетовать на происходящее»²⁵. Более того, 12 сентября Англия и Франция приняли решение об отказе от наступления против Германии. И это тогда, когда англо-французские силы на Западном фронте имели подавляющее превосходство над немецкими и когда сами немцы считали, что, начни Франция военные действия, она в течение двух недель овладеет всем Рурским бассейном.

Сразу же за захватом Польши последовала переброска немецких дивизий на запад, пишет бывший гитлеровский генерал, начальник штаба Западного фронта З. Вестфаль. Несмотря на все утверждения немецкой пропаганды, «Западный вал», известный за пределами Германии под названием «Линии Зигфрида», все еще не был закончен и был далеко не неприступным: во время польской кампании его защищали всего 35 немецких дивизий, состоявших в основном из плохо подготовленных частей резерва и ополчения. Французская армия насчитывала тогда 65 кадровых и 45 резервных дивизий. «Если бы французская армия, — подчеркивает Вестфаль, — предприняла крупное наступление на широком фронте против слабых немецких войск, прикрывавших границу (их трудно назвать более мягко, чем силы охранения), то почти не подлежит сомнению, что она прорвала бы немецкую оборону, особенно в первые десять дней сентября. Такое наступление, начатое до переброски значительных сил немецких войск из Польши на запад, почти наверняка дало бы французам возможность легко дойти до Рейна и, может быть, даже форсировать его. Это могло существенно изменить дальнейший ход войны. Однако... французы, которые не могли не знать о нашей временной слабости, ничего не предприняли. ...Целыми неделями ни с одной стороны не производилось ни одного выстрела»²⁶. После окончания военных действий в Польше 115 английским и французским дивизиям на западе противостояли лишь 23 германские дивизии. Военные действия ограничивались незначительными стычками. К концу декабря 1939 г. Германия потеряла на западе 11 самолетов, а убитыми, ранеными и пропавшими без вести — 696 человек; Франция — 1 433 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести; англичане потеряли 3 человека.

В первые месяцы войны западные державы не оставляли своих попыток, с одной стороны, сговориться с Гитлером, а с другой — оторвать от Германии ее итальянского союзника. И в том и в другом случае правящие круги гитлеровской Германии и фашистской Италии

²³ См. «История международных отношений и внешней политики СССР». Т. II (1939—1945 гг.). М. 1962, стр. 14—29.

²⁴ З. Залуский. Пропуск в историю. М. 1967, стр. 66.

²⁵ W. Churchill. The Second World War. Vol. I. L. 1950, p. 376.

²⁶ З. Вестфаль и др. Роковые решения. М. 1958, стр. 35—36.

стремились извлечь выгоды из политики западных держав. В середине сентября английское правительство обратилось в Рим с предложением продолжать сотрудничество в целях достижения «международного урегулирования». 16 сентября Франсуа-Понсе заверил Чиано, что если бы Гитлер после завершения кампании в Польше выдвинул «разумные» предложения, то французский посол взялся бы рекомендовать своему правительству рассмотреть возможность соглашения с Германией. Передавая эти предложения Гитлеру, Чиано просил его от имени Муссолини сохранить хотя бы минимальную видимость Польского государства, чтобы дать возможность Англии и Франции, вступая в переговоры с Германией, «спасти лицо»²⁷. Когда 23 сентября Муссолини выступил с оценкой международного положения, он вновь подчеркнул желательность и возможность локализовать конфликт. «Фактически,— подчеркнул он,— Европа после решения польского вопроса еще не находится в состоянии войны. Войска еще не пришли в столкновение. Столкновение еще можно предотвратить»²⁸. В конце декабря в «мирный зондаж», носивший по направленности антисоветский характер, включился и папа Пий XII. Посреднические услуги обеим сторонам предлагали также правительства Голландии, Испании, Норвегии.

Какова же была реакция гитлеровского правительства на этот зондаж западных держав? Чтобы выиграть время для подготовки новой агрессии (в Скандинавии, а затем на западе), германские правители организовали широко афишированное «мирное наступление». Планируя агрессивные акции против Скандинавии и Франции (9 октября была издана директива верховного командования Германии о подготовке намеченного на лето 1940 г. нападения на Францию через Люксембург, Бельгию и Голландию), Гитлер и его генералы хотели в то время, осенью 1939 г., сохранить мир с Англией и Францией, упрочить свое положение в Европе и тщательно подготовиться к следующему этапу войны. Стратегия Гитлера заключалась в том, чтобы бить своих противников поодиночке, одного за другим, сохраняя для себя свободу действий. Кроме того, Гитлер рассчитывал, что его военные успехи заставят Англию и Францию согласиться без войны уступить ему значительное «жизненное пространство» на востоке (Гитлеру было хорошо известно, что правящие круги Франции горели желанием заключить мир с Германией)²⁹. 19 сентября Гитлер выступил с речью в данцигской ратуше. Это было первое выступление Гитлера после начала войны и его речи в рейхстаге 1 сентября. В довольно лаконичной форме он сказал о тесных и дружественных германо-итальянских отношениях, основу которых, как он подчеркнул, составляла его личная дружба с Муссолини. Он заявил далее, что с послеверсальской Польшей покончено и, фальшивя, подчеркнул, что у Германии нет каких-либо военных намерений против Англии и Франции³⁰. Это заявление он делал в то время, когда кампания в Польше в основном была уже завершена и германское командование стало перебрасывать свои дивизии на запад. Бывший начальник организационного отдела генштаба гитлеровской армии генерал Мюллер-Гиллебранд пишет о планах германского командования к октябрю 1939 г.: «На западе пока не велось никаких серьезных боевых действий. Главное командование сухопутных сил намеревалось здесь обороняться, предоставив инициа-

²⁷ «Ciano Diaries, 1939—1943», pp. 143, 144, 152.

²⁸ «Popolo d'Italia», «Messagero», «Popolo di Roma», 21.IX.1939; «Völkischer Beobachter», 22. und 24.IX.1939; V. Gayda. Italien und die englische Mittelmeerpolitik. B. 1943, S. 465.

²⁹ «The Initial Triumph of the Axis», pp. 95—97; см. также DDI. Ser. 9. Vol. 1, doc. 501 (итальянский посол в Берлине Аттолико — Чиано, 29.IX.1939).

³⁰ «The Initial Triumph of the Axis», p. 99; «Ciano Diaries, 1939—1943», p. 147; W. Shirer. Berlin Diary, pp. 174—175; см. также DDI. Ser. 9. Vol. 1, doc. 349; «Völkischer Beobachter», 20.IX.1939.

тиву действий противнику. В случае необходимости предполагалось добиться решения исхода кампании контрнаступлением, а пока использовать имевшееся в распоряжении время для ставших совершенно необходимыми реорганизации и усиления армий»³¹.

Выступая 6 октября в рейхстаге³², Гитлер официально предложил от имени германского правительства «созвать конференцию великих держав, которая установила бы новый статус в Европе и во всем мире». Он заявил, что не видит причин для ведения войны с западными державами; что в своей политике по отношению к Англии он, дескать, всегда стремился к достижению взаимопонимания между двумя странами и даже к дружбе обоих народов. Гитлер повторил, что Германия считает свою западную границу окончательной. В колониальном вопросе, продолжал он, Германия удовлетворится возвратом ее бывших колоний. Коснувшись германо-итальянских отношений, он заметил, что эти отношения «будут и дальше укрепляться» и что эту политику он, Гитлер, осуществляет в духе полного взаимопонимания с Муссолини. Муссолини, как записал Чиано, был чрезвычайно горд столь высокой оценкой его роли в укреплении германо-итальянских отношений. Читая текст речи Гитлера в присутствии Чиано, он высказал мнение, что война теперь наверняка скоро закончится. «Я не разделяю его оптимизма,— записал Чиано...— Война не окончится сегодня, она фактически лишь начинается». Западные дипломаты не могли не обратить внимания на такую деталь, что Гитлер в своем пространном выступлении в рейхстаге сказал об Италии всего несколько слов. Как писал государственному секретарю 6 октября из Парижа посол США Буллит, это лишь подтверждает, что «отношения Гитлера с Муссолини в настоящее время далеко не дружественные»³³. Заканчивая речь, Гитлер в обычном для него стиле угрожал: если «мирные стремления» Германии не встретят понимания и война будет продолжаться, то она будет войной на уничтожение и не ограничится европейским континентом. Надежды на разобщение немецкого народа беспочвенны, заявил Гитлер, и ноябрь 1918 года никогда больше не повторится в германской истории. «Я ни секунды не сомневаюсь, что Германия победит»³⁴.

Условия, выдвинутые Гитлером 6 октября в качестве основы для «нормализации» отношений с западными державами, были 11 и 12 октября отклонены Англией и Францией. Правящие круги этих стран не могли принять сделанные им предложения, ибо это означало бы согласиться на неограниченную гегемонию Германии и восстановление германской колониальной империи. Так провалились многочисленные попытки реакционных сил Англии и Франции достичь мира с Гитлером и уже тогда повернуть вермахт на восток, против Советского Союза³⁵. Речь Гитлера от 6 октября еще раз показала, что германский импе-

³¹ Б. Мюллер-Гиллебранд. Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. Т. II. М., 1958, стр. 34. В течение октября—ноября 1939 г. из Польши на запад была перебросена основная масса германских войск, техники и вооружения. За счет призыва в армию общая численность вермахта возросла с 2 800 тыс. до 3 300 тыс. человек (там же, стр. 47).

³² ADAP. Bd. VIII. Baden-Baden. 1961, S. 177—180; «Dokumente». Bd. V, dok. 47, S. 136—141; «Verhandlungen des Reichstages». Bd. 460. S. 51—63; «Völkischer Beobachter». 7.X.1939, см. также DDI. Ser. 9. Vol. I, doc. 640.

³³ См. «Ciano Diaries; 1939—1943», p. 156; см. также DDI. Ser. 9. Vol. I, doc. 640; FR, 1939. Vol I, p. 504.

³⁴ 10 октября, выступая в берлинском Дворце спорта, Гитлер повторил основные положения своей речи в рейхстаге от 6 октября. См. «Völkischer Beobachter», 11.X.1939. Весьма симптоматично, что английские мюнхенцы сочли необходимым полностью опубликовать, по словам Чемберлена, «умную» речь Гитлера от 6 октября (см. «Manchester Guardian», 7.X.1939).

³⁵ О попытках наладить англо-германские контакты с целью добиться мира между Гитлером и западными державами в сентябре—октябре 1939 г. см. «Documents on German Foreign Policy, 1918—1945, Series «D» (1937—1945)» (далее—DGFP). Vol. VIII, L. 1954, doc. 134; FR, 1939. Vol. I, pp. 505—506; см. также ADAP. Bd. VII. dok. 74, 151.

риализм намерен продолжать борьбу за осуществление своих планов установления мирового господства. Вместе с тем эта речь еще раз «подстегнула» фашистских правителей Италии, перед которыми по-прежнему стоял вопрос о дальнейшем внешнеполитическом курсе страны. Германскому партнеру были даны новые заверения в том, что Италия продолжит подготовку к вступлению в войну. «Передал дуче в присутствии Чиано текст сегодняшней речи фюрера,— сообщал в Берлин 6 октября из Рима Маккензен.— Касаясь положения Италии, дуче подчеркнул, что по сравнению с 1 сентября оно значительно укрепилось. Каждый день, каждый час были использованы, чтобы повысить готовность. Оружейные заводы работают на полную мощность... положение с сырьем, в том числе со снабжением бензином, улучшается. В Ливии, где 1 сентября было 100 тыс. солдат, сейчас уже 183 тысячи»³⁶. Гитлеровцы, однако, не питали больших иллюзий относительно решимости Италии вступить в ближайшее время в войну. Они понимали, что только успешное германское наступление на западе может положить конец колебаниям итальянского союзника в вопросе о сроках начала военных действий. 10 октября Гальдер следующим образом резюмировал выводы, сделанные на совещании у Гитлера по поводу позиции Италии: «Наступление — единственное возможное средство увлечь за собой Италию. Италия теперь больше, не заинтересована в мире. Дуче выжидает удобного времени, чтобы вмешаться... До тех пор, пока мы сидим за Западным валом, Италия не вступит в войну»³⁷.

Итальянские фашисты, учитывая неподготовленность страны и армии к войне и боясь рвать в тот момент с западными державами, все еще не теряли надежды склонить Гитлера к попыткам найти какое-то «мирное» решение противоречий, которые существовали между «осью» и западными державами³⁸. В начале октября итальянские дипломаты в Германии попытались «прощупать» намерения германских правителей на этот счет. Весьма любопытна в этой связи запись, сделанная 9 октября Вейцекером. «Сегодня — записал он, — меня посетил Аттолико. Он спросил меня о положении дел с мирной акцией. Я задал ему аналогичный вопрос. Он ответил, что в западных странах реакция (на речь Гитлера от 6 октября. — А. Г.) не очень благоприятная. ...Надо подождать официального выступления Чемберлена... Затем, по-видимому, наступит момент, когда надо будет предпринять шаги по дипломатической линии и подготавливать далее почву... Он дал мне ясно понять, что, по его мнению, римская инициатива (мирная. — А. Г.) не встретит понимания в Берлине. Итак, Рим ждет наших шагов и, если мы хотим, будет весьма охотно действовать»³⁹. Но в том-то и дело, что германские империалисты ни раньше, перед началом войны, ни после 1 сентября, ни тем более в октябре, когда они разгромили Польшу и готовились к следующему этапу агрессии на западе, не хотели идти ни на какие мирные переговоры, конференции и т. п., ибо считали, что самым верным и наиболее быстрым путем к достижению их целей является только война. Напомним, что в то самое время, а именно 9 октября 1939 г., верховное командование Германии издало директиву о подготовке нападения на

³⁶ ADAP. Bd. VIII, dok. 205, S. 176—177.

³⁷ «Нюрнбергский процесс». Т. I. М. 1965, стр. 361, 363.

³⁸ ADAP. Bd. VIII, dok. 126, S. 97—98 (запись Вейцекера о беседе с Аттолико 23 сентября 1939 г.); см. также dok. 73, 97. Как сообщил из Берлина 9 октября 1939 г. Аттолико в донесении Чиано, немцы высказали пожелание получать регулярную информацию относительно предложений о мире со стороны западных держав и о том, намерена ли Италия делать шаги навстречу этим предложениям. DDI Ser. 9. Vol. I, doc. 667.

³⁹ ADAP. Bd. VIII, dok. 222, S. 193—194; см. также DDI. Ser. 9. Vol. I, doc. 564, 565 (сообщение Аттолико Чиано от 2 октября о состоявшейся в тот же день пресс-конференции в германском министерстве иностранных дел, на которой начальник отдела прессы Пауль Шмидт говорил о германо-итальянских отношениях и проблеме «мира»).

Францию через Люксембург, Бельгию и Голландию. И хотя итальянские фашисты ничего не знали об этих конкретных планах Германии, они, конечно, на основании различных источников, в том числе и неофициальных, отдавали себе отчет в бесплодности своих «мирных» усилий. Германский партнер явно не хотел считаться с теми сроками войны, на которые надеялись Муссолини и его окружение⁴⁰.

Англо-французская дипломатия безуспешно пыталась «перетянуть» Италию на сторону Запада или по крайней мере предотвратить ее вступление в войну в качестве союзника гитлеровской Германии. От участия Италии в войне зависела не только свобода судоходства союзников в Средиземном и, как полагали, в Красном море, но и осуществление планов создания на Балканах блока нейтральных государств, который мог помешать немецкому проникновению в этот район. С планами создания такого блока осенью 1939 г. выступили итальянские правящие круги. Угроза нападения Италии на Египет и Суэцкий канал из Ливии также являлась достаточно реальной. В силу этих причин правительство Англии тщательно следило за тем, чтобы не дать Италии повода для вступления в войну⁴¹. Чемберлен все еще надеялся, как он писал 13 сентября 1939 г. графу Гранди, незадолго перед тем покинувшему пост итальянского посла в Лондоне, что итальянский народ, король и церковь предпримут «должные усилия» для сохранения страной нейтралитета, для участия в войне⁴². Уваживания союзников за Италией принимали различные формы — от выражения понимания в отношении «мирных» усилий дуче и вплоть до предложений дальнейшего сотрудничества и широких экономических соглашений⁴³. Западные державы учитывали, что Муссолини был сильно встревожен тем, как бы Италия не осталась в стороне от дележа военной добычи и как бы она, как выразился сам Муссолини, не перешла в группу «Б» в европейской политической футбольной команде. Поэтому Черчилль, занимавший в то время пост морского министра, выступая по радио 1 октября 1939 г., предложил Италии от имени британского правительства занять положение «великой и дружественной державы» с членством в европейском директорате, который после войны, по его замыслу, должен был управлять делами Европы, а также обещал уважать ее интересы на Балканах. В октябре 1939 г. английское правительство признало де-факто захват Италией Албании, а в ноябре Черчилль предложил Италии «товарищеское партнерство» с Англией и Францией на Средиземном море⁴⁴. Некоторые английские и французские политики, вспоминая первую мировую войну, надеялись даже склонить Италию на сторону союзников. Немцы со своей стороны также достаточно хорошо помнили об итальянской политике периода первой мировой войны и одно время всерьез опасались, как бы партнер по «оси» не перевернулся на сторону противника. «В конце сентября, после окончания польской кампании,— пишет германский военный атташе в Риме Ринтелен,— я был вызван в Цоссен к главнокомандующему сухо-

⁴⁰ В ноябре парижская газета «Derèche» напечатала карту, где были обозначены календарные даты германской агрессии. Паволини, министр «народного» образования фашистской Италии, счел необходимым переслать Чиано этот экземпляр газеты. На карте были указаны следующие этапы уже совершенных и намеченных на будущее актов агрессии: Австрия — весна 1938 г.; Чехословакия — осень 1938 г.; Польша — осень 1939 г.; Югославия — весна 1940 г.; Венгрия, Румыния и Болгария — весна 1940 г.; Дания, Бельгия, Голландия, Швейцария, Северная Франция — весна 1941 г.; Украина — осень 1941 года. DDI. Ser. 9. Vol. II. Roma. 1957, doc. 364.

⁴¹ См. В. Л. Израэлян, Л. Н. Кутаков. Указ. соч., стр. 22—23; Дж. Батлер. Большая стратегия, сентябрь 1939 — июнь 1941. М. 1959, стр. 282.

⁴² См. «The Initial Triumph of the Axis», p. 219.

⁴³ «Ciano Diaries, 1939—1943», pp. 138—146, 152—153; «Ciano's Diplomatic Papers». L. 1948, pp. 305—306; DDI. Ser. 9. Vol. I, doc. 110, p. 70; doc. 205, pp. 129—130.

⁴⁴ См. «The Initial Triumph of the Axis», pp. 220, 231; «The Eve of War 1939», p. 254; «Times», 2.X.1939; W. Churchill. Into Battle. L. 1942, p. 144.

путной армией. Он поручил мне приложить все силы к тому, чтобы Италия не перешла еще раз, как это имело место в 1915 г., на сторону врага. Он казался встревоженным сообщениями об активном строительстве итальянских укреплений на тирольской границе. С итальянской стороны мне было разъяснено, что в основе решения дуче продолжать работы по созданию укреплений на всей северо-итальянской границе лежит то, что война создала тревожную обстановку в Европе»⁴⁵. Как пишет итальянский историк Л. Виллари, в начале сентября Гитлер сказал о «неучастии» Италии в войне, что «итальянцы повторяют игру 1915 года»⁴⁶.

Политические шаги западных держав дополнялись мерами экономического характера. 12 сентября 1939 г. в Сан-Ремо втайне от Германии было заключено франко-итальянское экономическое соглашение на сумму в 1 млрд. франков, по которому Франция получила право на покупку в Италии станков, взрывчатых веществ, самолетов, авиамоторов, армейского обмундирования и других товаров. В этой сделке с итальянской стороны участвовали фирмы «Изотта Фраскини», «Фиат» и «Альфа Ромео», а с французской — фирма «Рено». 20 сентября Чиано согласился начать итало-французские торговые переговоры⁴⁷. Не меньшую активность в деле установления экономических контактов с Италией проявляло английское правительство. И хотя последнее понимало, что экономическая помощь, оказываемая Италии, вступала в противоречие с задачами борьбы против Германии, ибо усиливала ее германского союзника, а также срывала экономическую войну против Германии, на которую правящие круги Англии возлагали некоторые надежды, тем не менее английское правительство шло на экономическое сотрудничество с Италией⁴⁸. 27 октября 1939 г. было заключено англо-итальянское соглашение, по которому создавался объединенный комитет для рассмотрения возможностей расширения экономического сотрудничества между двумя странами. Когда 27 ноября в Англии был принят закон о захвате германских товаров и сырья, это означало, что Англия должна была прервать идущий морским путем через Роттердам экспорт германского угля в Италию. Но она сделала для Италии исключение. Союзники продолжали передавать итальянским фирмам заказы и сами закупали в Италии различные товары, в оплату за которые поставляли Италии разнообразное, зачастую стратегическое сырье⁴⁹.

Однако попытки западных союзников «перекупить» Италию потерпели крах. Ответ на вопрос о причинах провала этих попыток, а также других «миротворческих» акций западных держав, можно дать лишь на основании анализа германо-итальянских отношений в первые месяцы второй мировой войны. Перейдем поэтому к данному вопросу. Наличие «Стальского пакта» требовало от Италии вступления в войну не только на стороне Германии, но и одновременно с ней. В августе 1939 г. между Германией, Италией и Японией была достигнута также договоренность о заключении тройственного военного союза⁵⁰. Но, как известно, на первом этапе второй мировой войны фашистская Италия объявила себя «невоюющей стороной»⁵¹. С международно-правовой точ-

⁴⁵ E. von Rintelen. Mussolini als Bundsgenosse. Stuttgart. 1951, S. 76.

⁴⁶ L. Villari. Italian Foreign Policy under Mussolini. N.Y. 1956, pp. 229—230.

⁴⁷ DDI. Ser. 9. Vol. I. doc. 240, 328; H. Ho l l d a c k. Was wirklich geschah. Die diplomatischen Hintergründe der deutschen Kriegspolitik. München. 1949, S. 182.

⁴⁸ См. DDI. Ser. 9. Vol. I, doc. 151, pp. 90—91 (памятная записка Лорена на имя Чиано от 11 сентября 1939 г.) и doc. 653, pp. 405—407 (сообщение Аттолико из Берлина 7 октября 1939 г. на имя Чиано).

⁴⁹ «The Initial Triumph of the Axis», p. 234.

⁵⁰ См. DGFP. Vol. VII. L.1956, doc. 7.

⁵¹ См. G. Vedovato. Il conflitto europeo e la non belligeranza dell'Italia. Firenze 1943; B. Cialdea. La neutralità italiana e la politica tedesca. «Le Giustizia» (Roma). 4.VI.1957.

ки зрения это было некоторым отклонением от обычной позиции нейтралитета. Если позиция нейтралитета означает отказ от вмешательства в войну вообще, на все время войны, то позиция «невоюющей стороны» означала, что Италия лишь в течение некоторого времени воздерживалась от вступления в войну, в то же время поддерживая одну из воюющих сторон. Руководители итальянской политики подчеркивали, что обязательства по германо-итальянскому союзу от 22 мая 1939 г. остаются в полной силе. Следовательно, Италия лишь откладывала свое вступление в войну на стороне Германии до наиболее благоприятного момента. «1 сентября, — писал в 1943 г. один из ведущих фашистских журналистов Италии, Вирджинио Гайда, — Италия заявила о своем неучастии в войне, что в отличие от нейтралитета оставляло наполовину открытой дверь для вступления в войну. Италия хотела предотвратить расширение конфликта и следовала за политикой Гитлера, который все еще надеялся на возможность... закончить войну за короткое время»⁵². Большинство представителей правящих кругов Италии во главе с Муссолини были за вступление в войну, но лишь тогда, когда определится победа Германии. До этого они предполагали сохранять за Италией положение так называемой невоюющей стороны. «Итальянский фашизм, — пишет Р. Батталья о нападении Германии на Польшу, — застигнутый врасплох этим последним событием (Гитлер сообщил о нем Муссолини только постфактум), в растерянности попятился назад от края пропасти — он стал просить хотя бы короткой передышки, чтобы лучше подготовиться к войне, чтобы убедить итальянцев в ее «фатальной неизбежности». Так в изворотливом уме Муссолини родилась идея объявить Италию «невоюющей стороной», отчасти имевшая целью вызвать растерянность в итальянских народных массах и удержать их от выступлений в самый критический момент, когда пожар войны уже охватил Европу»⁵³. Вместе с тем Муссолини чрезвычайно беспокоил вопрос о том, как будет воспринято в Германии и в его собственной стране «неучастие» Италии в войне, и он, отмечает Чиано, «лично позвонил Аттолико, настаивая, чтобы он упросил Гитлера послать Муссолини телеграмму, освобождающую его от обязательств по союзу. Он не хочет выглядеть изменником ни в глазах немецкого народа, ни в глазах итальянского народа, который, по правде говоря, не очень сильно стесняется в проявлении своих антигерманских настроений»⁵⁴. В ответ на просьбу Муссолини Гитлер отправил ему 1 сентября телеграмму следующего содержания: «Дуче! Я благодарю вас сердечно за вашу дипломатическую и политическую поддержку, которую вы в последнее время оказали Германии и ее справедливому делу. Я уверен, что предстоящая нам задача может быть решена военными силами Германии. Поэтому я думаю, что военная помощь Италии в этих условиях не потребует. Я благодарю вас, дуче, также за все, что вы сделаете в будущем для общего дела фашизма и национал-социализма»⁵⁵. Руководители фашистской Германии считали, что они не нуждаются не только в военной помощи Италии,

⁵² V. Gayda. Op. cit., S. 465; см. также L. Fermi. Mussolini. Chicago. 1961, p. 402.

⁵³ Р. Батталья. История итальянского движения Сопротивления. М. 1954, стр. 39; см. также И. Н. Бочаров. О происхождении итальянского нейтралитета в начале второй мировой войны. «Научные доклады высшей школы». Исторические науки, 1961, № 2.

⁵⁴ «Ciano Diaries, 1939—1943», pp. 135—136; см. также E. von Rintelen. Op. cit., S. 78.

⁵⁵ ADAP. Bd. VII, dok. 500, S. 402; DD1. Ser. 8. Vol. XIII, doc. 530; см. также прил. 1, часть 2 (p. 409), запись от 1.IX.1939 г. в 8.30 и 9.15. «Ciano Diaries, 1939—1943», pp. 141—142. Указанная телеграмма Гитлера в адрес Муссолини в Германии была опубликована лишь 12 июня 1940 г.; то есть уже после вступления Италии в войну. См. «Dokumente». Bd. V, dok. 40, S. 121; «Völkischer Beobachter», 12.VI.1940.

но и в дипломатических. «посреднических» усилиях Муссолини. Гитлеровцы были уверены, что вермахт за короткий срок сумеет разгромить польские вооруженные силы и что ввиду этого нет необходимости в созыве «нового Мюнхена». Поэтому-то Гитлер с самого начала отрицательно отнесся к «мирной» инициативе Муссолини и по-прежнему скрывал от него свои планы. В послании, которое Гитлер направил Муссолини 1 сентября и которое в тот же день было передано Маккензеном, говорилось: ввиду позиции Польши — всеобщая мобилизация, террористические акты на границе, террор по отношению к проживающим в Польше немцам и т. п., — он, Гитлер, решил ответить силой на силу. Он и немецкий народ поведут эту борьбу со всем фанатизмом, на который они способны. В этих условиях посредничество дуче будет обречено из-за позиции Польши на неудачу⁵⁶.

К началу второй мировой войны правящие круги Италии проявили серьезные колебания в вопросе об участии в войне вообще, на стороне Германии в частности. Против немедленного вступления в войну были королевский двор, Чиано и другие высокопоставленные лица фашистской Италии. В октябре 1939 г. Буллит писал государственному секретарю, что полученные им ранее, в марте того же года, сведения о разногласиях между королем и Муссолини по вопросу о вступлении Италии в войну подтвердились. Буллит сообщал: король якобы даже угрожал Муссолини, что он, если последний примет решение вступить в войну на стороне Германии, не подпишет указ о войне. Король надеется, добавлял Буллит, что Италия останется нейтральной; позицию короля поддерживает Чиано. Были сомнения по поводу вступления в войну и у Муссолини и у многих представителей фашистской иерархии из его окружения, знавших о низкой боеспособности итальянской армии, о том, что страна ни в военном, ни в экономическом отношении не подготовлена к боевым действиям. Особую тревогу правящих кругов Италии вызывала нехватка сырья и материалов для промышленности. В случае войны Италия нуждалась в единовременном ввозе более 14 млн. т угля, более 8 млн. т горючих и смазочных материалов, почти 2,5 млн. т сырья для металлургической промышленности, значительного количества цветных металлов, хлопка, резины и резиновых изделий, целлюлозы. Добавим, что основная масса импортруемых грузов Италии в мирное время шла морским путем через Гибралтар (77% грузов, ввозимых из-за пределов Средиземного моря), который контролировала Англия. Кроме того, Муссолини не был полностью уверен, что Германия сможет добиться победы в войне. И, наконец, он понимал, что если Италия перейдет на сторону союзников, то «ее ждет судьба Польши, причем Англия и Франция ничего не сделают, чтобы помочь ей»⁵⁷. Поэтому Муссолини и предпочел в сентябре 1939 г. объявить Италию «невоюющей стороной», сообщив германскому партнеру, что это вынужденная и временная мера, и потребовав от Германии крупных поставок вооружения и ряда стратегических материалов. Немцам пришлось согласиться с этим, и Италия на первых порах осталась в стороне от начавшейся войны, что, конечно, вызвало недовольство в гитлеровских кругах.

При определенной напряженности в германо-итальянских отношениях на первом этапе войны с внешней стороны как будто все обстояло благополучно. В обоюдных заверениях в «дружбе» и «верности союзу» недостатков не было. Венгерский посланник в Италии Виллани отметил 2 сентября 1939 г., что «германо-итальянские отношения, по

⁵⁶ ADAP. Bd. VII, dok. 507, S. 407.

⁵⁷ FR, 1939, Vol. I, pp. 463—464; S. B. Clough. The Economic History of Modern Italy. N. Y.-L. 1964, pp. 260—287; «The Initial Triumph of the Axis», p. 213; E. von Rintelen. Op. cit., S. 72; см. также И. Н. Бочаров. Итало-фашистская дипломатия и мюнхенский сговор. «Новая и новейшая история», 1962, № 1, стр. 73—74.

крайней мере внешне, находятся в хорошем состоянии»⁵⁸. Однако империалистические противоречия между Германией и Италией подрывали единство действий фашистских агрессоров. Следствием этих противоречий, в частности, было отсутствие единого стратегического плана войны у стран «оси». «Стальной пакт» оказался тогда малодейственным. Гитлер был недоволен политикой Италии, которая в критический момент, как он выразился, «совершила предательство». Впрочем, «предательство» не было неожиданностью, так как Гитлер еще до начала войны хорошо знал о неподготовленности Италии к войне и о том, что итальянский союзник имел в виду быстрое военное «решение» польской проблемы без участия Италии. Наконец, сошлемся на секретную статью «Стального пакта», в которой специально оговаривалось, что «в течение трехлетнего периода Италия не будет обязана вступать в войну, если бы даже в это время рейх ее начал». Как подчеркивает французская журналистка Женеьева Табуи, включение этой статьи в германо-итальянский пакт от 22 мая 1939 г. «разочаровало и взбесило Гитлера». В «Меморандуме Кавальеро» (послание Муссолини Гитлеру от 30 мая 1939 г.) также говорилось, что до 1942 г. Италия не сможет принять участия в предстоящей войне, так как для завершения военной подготовки ей необходим трехлетний мирный период. Большую остроту в германо-итальянские отношения вносила попытка Гитлера возложить и на Италию ответственность за перерастание германо-польского конфликта в мировую войну: он утверждал, что активная солидарность Италии с Германией в те дни заставила бы Англию и Францию воздержаться от вступления в войну против Германии⁵⁹.

Муссолини и его окружение, в свою очередь, высказывали недовольство в адрес германских руководителей, которые подготовили и осуществили нападение на Польшу без предварительной консультации с Италией, хотя в соответствии с пактом «оси» это надлежало сделать. Серьезную тревогу у итальянского правительства вызывала также германская концепция «молниеносной войны», в результате которой Германия могла установить в Европе свое господство, а также — в случае разгрома Англии и Франции — угроза германской экспансии на юг Европы и в сферу итальянских империалистических владений в Африке⁶⁰. После нападения Германии на Польшу и объявления Англией и Францией войны Германии Муссолини, как это отметил 4 сентября в дневнике Чиано, утешал себя мыслью о том, что пока «европейские гиганты» сражаются друг с другом, Италия остается свободной в своих действиях и может усиливать свой экономический и военный потенциал с тем, чтобы «эффективно вмешаться в надлежащий момент»⁶¹. Одновременно, однако, его терзал страх: если мирные переговоры не начнутся через несколько месяцев и если Италия останется «неучаствующей стороной», то к концу войны она рискует лишиться не только своего места на мирной конференции, то есть последнего шанса удовлетворить свои требования к западным державам и осуществить свои планы экспансии в Юго-Восточной Европе, но и положения великой державы. Ситуация такова, считал Муссолини, что Италия не может оставаться абсолютно нейтральной, не рискуя «опуститься до уровня Швейцарии»⁶².

Однако надежды правящих кругов Италии на то, что в условиях начавшейся войны страна получит полную свободу действий и сумеет провозгласить выгодную и независимую внешнюю политику, оказались иллю-

⁵⁸ «Венгрия и вторая мировая война». М. 1962, стр. 182.

⁵⁹ DDI. Ser. 9. Vol. 1, doc. 80, pp. 47—50 (Аттолико — Чиано 7.IX.1939); см. также doc. 118. Vol. II, doc. 106, 144, 204, 280; Ж. Табуи. Двадцать лет дипломатической борьбы. М. 1960, стр. 446.

⁶⁰ См. F. W. Deakin. The Brutal Friendship. Mussolini, Hitler and the Fall of Italian Fascism. L. 1962, pp. 8—10.

⁶¹ «Ciano Diaries, 1939—1943», p. 138; см. также p. 155.

⁶² «The Initial Triumph of the Axis», pp. 212—213.

зорными. Гитлеровцы очень скоро дали это понять. Уже в послании Гитлера Муссолини от 3 сентября 1939 г. содержалась недвусмысленная критика итальянской политики «неучастия» в войне, а также довольно резкая отрицательная реакция на итальянское предложение о перемирии⁶³. Встревоженный Муссолини принялся оправдываться и на следующий день попросил Маккензена передать Гитлеру, что он, Муссолини, никогда не думал о том, чтобы в ходе его посреднической миссии предлагать вывод германских войск из Польши («Ни одному человеку в мире не придет в голову всерьез обсуждать эту проблему... Речь с самого начала шла о «символическом» отводе войск при предварительном условии — «войска остаются там, где они находятся»). Муссолини даже позволил себе «не согласиться» с утверждением Гитлера, что они «идут сейчас разными путями»: «И относительно путей и относительно целей налицо полное единодушие. Прежде всего в военном отношении он, дуче, пойдет до конца и сделает все, чего фюрер сегодня от него хочет... Он уже сегодня... свяжет на альпийской границе и в Африке более 400 тыс. солдат противника»⁶⁴. 9 сентября Муссолини вновь вернулся к вопросу о «неучастии» Италии в войне. Во время беседы с Маккензеном, на которой присутствовали также Ринтелен и начальник генштаба итальянских сухопутных войск заместитель военного министра генерал Париани, он заметил, что Италия связывает 500—600-тысячную французскую армию от Сомали через Тунис и Корсику до Альп. Если же Италия сейчас вступит в войну, подчеркнул Муссолини, то сначала Турция, а затем Греция, Румыния, Югославия и Египет окажут помощь Англии. Этого необходимо избежать, ибо такого рода расширение фронта борьбы выгодно одной Англии⁶⁵.

О напряженности в германо-итальянских отношениях свидетельствует и официальная сдержанность руководителей третьего рейха, интенсивная дипломатическая переписка и переговоры, которые велись между партнерами по «оси» в начале второй мировой войны. Даже те публичные комплименты, которые Гитлер высказал в адрес Муссолини, выступая в рейхстаге 1-го и в Данциге 19 сентября, носили весьма сдержанный характер, причем в данцигской речи они сопровождалась ссылками на тяжелые жертвы Германии, которые она несет, отказываясь от территориальных притязаний на юге. Симптоматично также, что Гитлер ответил отказом на предложение Муссолини⁶⁶ опубликовать в Германии телеграмму, посланную Гитлером 1 сентября («военная помощь Италии не потребуется»), ссылаясь на неподходящий для этого момент. Неизменно подчеркивая, что он по-прежнему «верит в свою дружбу» с Муссолини, Гитлер возлагал вину за саботаж планов «оси», то есть за отказ Италии вступить в войну одновременно с Германией, на Чиано, Аттолико, итальянских генералов и королевский двор. Последний он считал тем каналом, по которому осуществлялись англо-итальянские контакты⁶⁷. Как сообщает Ринтелен, Гитлер вскоре после начала германо-польской войны понял, что в Лондоне еще до 1 сентября стало известно, что Италия останется невоюющей стороной. «Вину за эту «болтливость» он возложил на королевский дом, о чем позже я слышал от него самого, — писал Ринтелен. — Он, вероятно, так никогда и не узнал, что информация на этот счет исходила от Муссолини и Чиано»⁶⁸.

⁶³ DDI. Ser. 9. Vol. I, doc.20; см. также В. Л. Исраэлян, Л. Н. Кутаков. Указ. соч., стр. 20—21.

⁶⁴ ADAP. Bd. VIII, dok. I, S. 1—2.

⁶⁵ Ibid., dok. 38, S. 28; см. также DDI. Ser. 9. Vol. I, doc. 19, 89.

⁶⁶ См. директиву Муссолини Аттолико от 10 сентября 1939 г. (пункт 6). DDI. Ser. 9. Vol. I, doc. 138, p. 184; ADAP. Bd. VIII, dok. 23, S. 18.

⁶⁷ См. P. Schmidt. Statist auf diplomatischer Bühne. 1923—1945. Bonn. 1958, S. 479—480.

⁶⁸ E. von Rintelen. Op. cit., S. 73.

7 сентября Аттолико посетил Вейцекера и сказал ему, что, как он слышал из различных источников, немецкая общественность критикует позицию Италии. Узнав об этой беседе, Риббентроп просил успокоить Аттолико и заверить его, что Германия относится к Италии хорошо и критика итальянской позиции, о которой слышал Аттолико, имеет место лишь в редких случаях⁶⁹. Геринг, со своей стороны, также постарался заверить итальянцев, что их тревога неосновательна. Когда он встретился в первой половине сентября с шурином Чиано, советником итальянского посольства в Берлине графом Маджистрати, то подтвердил ему, что убежден в целесообразности итальянского нейтралитета и в том, что указанная позиция Италии окажет Германии бóльшую помощь, нежели ее эвентуальное вмешательство в конфликт⁷⁰. Но итальянское руководство продолжало испытывать тревогу в связи со все новыми фактами, подтверждавшими рост антиитальянских настроений в правящих кругах Германии. 7 сентября Маккензен писал Вейцекеру: «В письме от 29 августа⁷¹ я уже сообщал о моей тревоге по поводу наших отношений с партнером по оси. Насколько она была обоснована, подтверждает беседа доктора Руста (из ведомства доктора Лей) с помощником государственного секретаря Туллио Чианетти...⁷² Как считает Чианетти, в результате последних событий имеет место дальнейшее ухудшение настроений итальянского народа... Мне кажется чрезвычайно важным,— подчеркивал Маккензен,— подумать о том, как мы можем этому воспрепятствовать. Одно из решений, может быть, заключается в том, что мы будем информировать итальянцев, особенно дуче и Чиано, о наших намерениях гораздо полнее, чем мы делали это раньше. Причем мне совершенно ясно, что практически это возможно осуществить все еще в весьма ограниченной степени; но даже в этих границах нам необходимо что-то предпринять»⁷³.

Риббентроп, получив от Вейцекера информацию о его беседе с Аттолико и о содержании донесения Маккензена, счел необходимым обсудить вопрос о возможности отправки в Рим какого-либо высокопоставленного лица из числа нацистских руководителей с тем, чтобы последний успокоил итальянцев и заверил их в «прочности и неизбежности» германо-итальянской дружбы. Выбор Риббентропа пал на Лей, главу фашистского «трудового фронта». 14 сентября он направил Лейю письмо, в котором подробно изложил точку зрения министерства иностранных дел на германо-итальянские отношения, а также обосновал немецкие аргументы на случай, если Лей поедет в Рим. Лей действительно отправился в Рим, но только в начале декабря 1939 года. В письме Лейю Риббентроп сообщил о содержании беседы Руст — Чианетти. «Чианетти утверждает, писал он,— что Германия неloyально относится к своему партнеру по оси, так как... акция против Польши противоречит договоренности, достигнутой между обоими правительствами». Это утверждение не соответствует действительности потому, подчеркивал Риббентроп, что с немецкой стороны никогда Риму не было обещано «при любых обстоятельствах... избегать военного конфликта из-за Данцига и коридора... Правда, мы неоднократно говорили итальянцам, что мы надеемся, что правительство Польши внемлет, наконец, рассудку и изъявит согласие на мирное урегулирование». Кроме того, с итальянской стороны, особенно со стороны Муссолини, «постоянно подчеркивалось, что последнее слово по вопросу о той или иной форме решения германо-польского вопроса, естественно, принадлежит фюреру... Даже если бы

⁶⁹ ADAP. Bd. VIII, dok. 23, S. 18; DDI. Ser. 9. Vol. I, doc. 84.

⁷⁰ «Ciano Diaries, 1939—1943», p. 144.

⁷¹ ADAP. Bd. VII, dok. 438.

⁷² Т. Чианетти — итальянский промышленник, член Большого фашистского совета, помощник государственного секретаря министерства культуры Италии.

⁷³ ADAP. Bd. VIII, dok. 24, S. 18.

мы и дали обязательство... ни при каких обстоятельствах не нарушать мир в нынешнем году», все равно его не удалось бы выполнить⁷⁴. Приведенный выше документ, на наш взгляд, еще раз подтверждает наличие германо-итальянских противоречий на первом этапе войны.

Как мы видим, начало второй мировой войны непосредственно отразилось на германо-итальянских отношениях. Германия после нападения на Польшу стремилась обеспечить себе тыл, избежать войны на два фронта. Именно поэтому гитлеровцы заверяли западные державы в своем стремлении к миру, в желании лишь «исправить несправедливость», допущенную в отношении Германии Версальской конференцией, а отнюдь не в стремлении к схватке с Англией и Францией. С другой стороны, гитлеровцы как до, так и после нападения на Польшу отводили Италии важную роль в их дипломатической игре. Итальянский партнер должен был продемонстрировать решимость выступить на стороне Германии и тем самым сковать силы западных держав в бассейне Средиземного моря, особенно на франко-итальянской границе и в Африке. Соглашаясь содействовать «мирному» урегулированию германо-польского конфликта, Муссолини решил, что тем самым его роль в европейской политике и престиж Италии на международной арене возрастут. Итальянские правящие круги были даже намерены проводить в сложившейся ситуации внешнюю политику, не считаясь или хотя бы мало считаясь со своим союзником. Однако эти планы итальянского фашизма потерпели крах, ибо военное и экономическое превосходство Германии внутри фашистского блока было несомненным. Это в конечном итоге определило соотношение сил и распределение ролей между державами «оси», тем более что после начала войны быстро милитаризировавшаяся итальянская экономика стала все больше зависеть от поставок стратегического сырья из Германии. Зависимость итальянской внешней политики от внешней политики Германии приводила к определенной напряженности в германо-итальянских отношениях.

Гитлеровцы, в свою очередь, после того, как Италия объявила себя «невоюющей державой», высказывали недовольство, обвиняя ее правителей в «измене» и нарушении «Стальского пакта». Кроме того, они подозревали, и не без оснований, своего итальянского партнера в секретных экономических контактах с западными странами, а также опасались «повторения 1915 г.», то есть перехода Италии на сторону западных держав. Имелась напряженность осенью 1939 г. и в германо-итальянских экономических отношениях. Это определялось, с одной стороны, сокращением поставок в Италию германского угля и других видов сырья, а с другой — нежеланием итальянцев удовлетворять растущие запросы Германии уже в итальянском сырье, в том числе в том, которое Италия сама ввозила из других стран (медь, нефть и др.).

Итак, германо-итальянские отношения осенью 1939 г. оставались напряженными. Однако уже через девять месяцев итальянский фашизм, серьезно опасавшийся, что Германия станет полновластным хозяином Западной Европы, отбросил колебания и отказался от позиции «невоюющей стороны». Таким образом, с лета 1940 г. военный пакт двух держав «оси» вступил в силу в полной мере. Фашистская коалиция сделала еще один шаг навстречу своему краху.

⁷⁴ ADAP. Bd. VIII, dok. 68, S. 50—52.